

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варягъ“ — победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“».

На основе оригинального таймлайна Мир «Варяга»-победителя–2 (МПВ-2).

Больше «Варягов»! Хороших и разных!

Глеб Дойников

Пролог

Санкт-Петербург. Балтийское море.

Июль 1904 года

Вадим со сдавленным стоном открыл глаза, проснувшись в холодном поту. Фаворита и «властителя дум» самодержца всея Руси трясло от ночного кошмара. Во сне ему привиделись последние минуты жизни отца. В подвале олигарховской дачи на Рублевке перед одиноким, изрядно сдавшим и постаревшим родным человеком стоял трудный выбор: слить последние полбутылки коньяка на корм генераторам стабилизационного поля, добавив тем самым себе несколько десятков минут существования, или принять ее содержимое внутрь. Для храбрости перед лицом неизбежного.

Отец избрал второй вариант...

Нестерпимый ужас выбросил Вадика в реальность в тот самый момент, когда генератор чихнул в первый раз: он хорошо помнил, что делает с человеком та серая муть «съехавшего с катушек» пространственно-временного континуума, которая неизбежно поглотит и подвал, и отца в тот самый миг, когда генераторы поля встанут окончательно.

* * *

Судорожно сглотнув, Вадим потянулся за спасительным стаканом с холодным чаем. Где-то наверху раздавался топот ног и залиvistый свист боцманских дудок. На «Князе Суворове» готовились к подъему флага.

Мутило...

Но сознание, постепенно проясняясь, подсказало бывшему доктору с «Варяга», что тошно ему не от стресса, вызванного страшным сном. И не от вечерних возлияний, избежать которых, учитывая персоналии собравшейся компании, не было даже тени шанса. Просто корабль ощутимо покачивало, что сказалось на его уже подотвыкшем от палубы вестибулярном аппарате.

«Да, папе там не позавидуешь. Нужно что-то для него придумывать. Надеюсь, время еще есть. Вот только с серой мутью, перемалывающей всех почище „мясорубки“ из „Пикника на обочине“ Стругацких, теперь, похоже, точно уже ничего не поделаешь. И для этого вчера мы с Николаем Александровичем, Дубасовым и герром Тирпицем постарались поболее, чем Василий и Петрович на Дальнем Востоке вместе за все время их разборок с Японией. Мир переходит на другие рельсы. Этот раунд лондонская родня царя и кайзера проиграла. *Finita la comedia!* Можно сказать и так... Но... бедный мой отец...

А германец-то мудр... Ох, и не прост наш дражайший Альфред! Потрясающе, как Вильгельм умудрился не использовать по полной потенциал такого матерого человека?.. Петровичу с Василием надо будет про события двух дней подробно написать. И немедленно. Пока все свежо в памяти и меня никто еще не хватился. Хотя... как сказать, „свежо“? После шампанского, шлифанутого пятнадцатилетним коньячком? Похоже, только качество исходных продуктов спасло всех переговорщиков... или заговорщиков... от неконтролируемых результатов в виде тяжелого похмелья и спазматической реакции желудка. Ну, да... однозначно, заговорщиков. А как еще, спрашивается, окрестят будущие англоязычные историки нашу теплую компашку?»

Новоиспеченный действительный статский советник Банщиков выбрался из постели, прошел к умывальнику

и, сполоснув наскоро лицо, критически оглядел полученный результат в зеркале. После чего с тяжким вздохом подсел к бюро, где его ждали бумага и чернила. Командир «Суворова» каперанг Игнациус не только любезно предоставил ему свою каюту, но и позаботился о том, чтобы все необходимое военно-морскому секретарю императора для работы было у него под рукой.

Тут же, рядом с писчими принадлежностями, Вадим увидел несколько карандашных рисунков, сделанных хозяином каюты вчера и позавчера: Василий Васильевич был талантливым художником-маринистом. На одном листке тяжело кренился в развороте могучий восьмибашенный гигант «Александр III» под флагом контр-адмирала и императорским штандартом. На другом — глубоко вспарывал таранным форштевнем пенящуюся волну аккуратный, ладный германец «Мекленбург» под флагами военно-морского статс-секретаря Тирпица и командующего флотом на фор-стенгге, а под топом его грот-мачты развернулся от налетевшего порыва ветра огромный штандарт кайзера. Пожалуй, даже непропорционально большой в сравнении с реальным размером. Но Игнациус, очевидно, зная про болезненную самолюбивость Вильгельма, сознательно решил погрешить против истины и законов перспективы.

«Ну, что же. Художник так видит, — усмехнулся про себя Вадим. — В конце концов, имеет право. Ведь его коллеги, все как один, изображают кайзера на портретах с левой рукой пропорционального для здорового человека размера, а не с его реальной усохшей, дистрофичной лапкой, при первом взгляде на которую меня даже пробило на жалость. Хотя папина наследственная генетика врача в тот момент подсказала, что с врачебной точки зрения самым наилучшим выходом для психического здоровья такого пациента была бы ампутация левой верхней конечности ниже плеча...»

Поодаль от вполне проработанных рисунков лежал последний черновой набросок. Игнациус поймал момент вчерашнего совместного маневрирования, когда российские и германские броненосцы шли рядом, парами, практически борт в борт. «Александр» и «Мекленбург», «Суворов» и «Виттельсбах», «Орел» и «Швабен». На бумаге в карандаше, собственно, как и в реальности, наши «бородинцы» выглядели заметно внушительнее. Что, кстати, не преминул подметить ревнивый Вильгельм, когда без обиняков заявил Николаю Александровичу после осмотра русского флагманского броненосца: «В следующий раз, когда я пожалую к тебе в гости на „Брауншвейге“, дорогой кузен, ты сможешь лично убедиться, что мои новейшие броненосцы ни в чем твоим не уступят. А в некоторых моментах... но — нет, не буду разглашать секретов моего дорогого Тирпица. Пусть он потом сам тебе все покажет!»

«Похоже, мой радушный хозяин умудрился сохранить для истории тот самый момент, когда все и свершилось...» Мысли Вадима вернулись во вчера, в адмиральский салон на «Александре», где прошлым вечером произошло событие, которое должно было окончательно «отменить» его, Петровича, Василия и Фридендера историю. Их мир... Мир оставшегося там отца, собственным гением и руками заварившего эту кашу. И которого теперь нужно, хоть кровь из носу, но вытаскивать из смертельной рублевской ловушки.

* * *

Банщикова приехал в Зимний загодя, чтобы быть у императора ровно в девять утра, как им было назначено. В отличие от «его» истории, царь теперь довольно много времени проводил в Зимнем дворце, а не в царском-сельском Александровском. Оперативно вызвать и выслушать того или иного чиновника, министра, военного

или ученого проще было на набережной Невы в столице, не теряя времени на ожидание его прибытия в Царское Село.

Ольга также была здесь, она ночевала в дворцовых покоях. После взаимных приветствий и дежурного поцелуя руки, большего в присутствии не позволишь, Владимир поинтересовался, не знает ли случайно Ольга Александровна, почему ее царственный брат пригласил их сегодня необычно рано? Но великая княгиня тоже не догадывалась о причине спешки. И была не менее заинтригована.

Когда стрелки громадных напольных часов еще только подкрадывались к девяти, к ним вышел государь и с блуждающей на лице хитровой, заговорщической улыбкой бросил: «Ну-ка, ступайте за мной, скорее!» Как только двери кабинета за спинами вошедших закрылись, он извлек из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Банщикovu со словами: «Вот, почитайте. Обсуждать сейчас это подробно не будем. Но, похоже, пасьянс наш начинает складываться. Он желает встретиться, даже зная нашу предварительную позицию по Франции, Балканам, проливам и торговому договору. И очень удачно, что граф Ламсдорф до сих пор не вернулся из Константинополя.

Кстати! Бирилев доложил мне вчера, когда я вас уже отпустил, что наш туз из рукава — „Князь Потемкин-Таврический“ — к походу практически готов, артиллерия установлена, запасы приняты. Чухнин на борту „Святителей“ повел его в море, просит дать еще пару недель на боевую подготовку... И самое главное: слава богу, Аликс и маленький чувствуют себя хорошо, поэтому она не возражает против нашей очередной морской прогулки.

Так что, Михаил? Едемте в Кронштадт сразу? Особенно срочных дел у вас ведь пока нет? Если что-то уже запланировали, надо переносить. Дядя, Авелан и Витте

ничего не должны успеть пронюхать. Ни о будущей нашей встрече с кайзером, ни об указе, что я вчера подписал. Пойдем на „Полярной“. Иессен встретит нас в море, шифровку ему отправит Нилов».

Банщиков держал в руках личное, секретное послание государю от кайзера Вильгельма II. И если опустить пространную преамбулу, уверения в горячей любви и вечной дружбе, главное выразалось следующими словами: «Ники! Никто тут ни о чем не подозревает. Все мои гости уверены, что мы отправляемся к Готланду на обычные морские маневры. Воображаю физиономии кое-кого из моих флотских, когда они увидят там твои линкоры! Tableau! Бюлов остается в Берлине. Ты совершенно прав: нам необходимо обсудить торговый договор, и не только его, без моего канцлера и твоего Витте, тет-а-тет, иначе они будут препираться бесконечно. Так что из моих — только Рихтгофен и Тирпиц. Возьму с собой, как ты просишь, любезного графа Остен-Сакена. И, конечно, никаких фотографов. Но все равно он страшно взволнован: наш милый старик до смерти боится, что тебе и Витте донесут, с кем и куда он едет!

Какой костюм для встречи? Предлагаю, как в Ревеле: я в русском морском мундире, ты — в германском. Если возражаешь — телеграфируй. Твой Вилли».

Пока Ольга Александровна внимательно дочитывала прочувствованное послание царю от германского монарха, Вадик вспоминал, из-за чего заварилась вся эта «тевтонская» каша...

* * *

То, что позволено Юпитеру, не дозволено быку... Для России «дружба» с французами и англичанами закончилась десятками миллионов смертей на протяжении трех с небольшим десятилетий. Ни одна страна, ни один народ не терял стольких своих сыновей и дочерей за столь

краткий исторический промежуток. Для любой другой державы физическое истребление четвертой части ее населения оказалось бы фатальной катастрофой (исключая, наверное, Индию и Китай, правда, там и абсолютные численные показатели в разы выше наших).

Но российская держава, взнуданная и пришпоренная титаническими усилиями Иосифа Сталина, жестко оградившего новую государственную элиту от соблазна подкупа из-за рубежа идеологическим и репрессивным забором, выдержала и устояла. Да, все эти усилия сопровождались жестокостью в подавлении любого активного или пассивного внутреннего сопротивления. Было ли это оправданным в тактике державного вождя? Хотя бы по той простой причине, что времени на раскачку, убеждения или уговоры ни ему, ни его стране отпущено не было?

Только вопрос не в оправданности, а в отсутствии иных вариантов, приводящих к позитивным для страны результатам. Что неумолимо и подтвердил весь последующий ход исторических событий. К сожалению, преждевременная и, весьма вероятно, неестественная смерть не позволила Отцу народов оставить после себя саморегулирующуюся, властную государственную систему с обратной связью и механизмами дозированного обновления госэлиты. Единственный же человек из «команды Сталина», способный такую систему отстроить, Лаврентий Берия, был трусливо, предательски убит. Переступив через его тело, к власти пришли «южане», не желающие или неспособные видеть перспективы страны и себя любимых дальше текущей политической конъюнктуры, что и запрограммировало ее катастрофу.

В итоге все жертвы и титанические усилия многих поколений были сведены на нет. Попытавшись «законсервировать» политико-экономическую систему под себя по «кривым» лекалам Победоносцева, лидеры «позднего СССР» сподобились проиграть «холодную войну» Запа-

ду, результатом чего стали новые миллионы погибших в ходе развала советской империи и внутреннего геноцида. А затем — юридическое закрепление катастрофы, сравнимое с Версалем и Потсдамом, великое «беловежское» национальное унижение русского народа, отсечение от нашей страны территорий Украины, Белоруссии, Казахстана, ее исторических окраин на юге и западе; превращение суверенной, мировой державы в импотентную, подконтрольную Западу сырьевую «ЭрЭфию», вскоре докатившуюся до абсурдного, постыдного дефолта.

Неужели история действительно учит только одному — тому, что она никого ничему не учит? Лишь жестоко спрашивает за невыученные уроки... Или же это только про нас, русских?..

К счастью для Вадика, Петровича и капитана ГРУ ГШ Василия Колядина, чем все может закончиться для России в нашем мире, их уже не интересовало. Им выпал уникальный шанс предотвратить кровавый кошмар агонии величайшей в мире державы в зародыше.

* * *

В «том» времени, когда все только начиналось и он жарко «рубился» с Петровичем на цусимских форумах в разделе альтернативной истории по поводу прорыва «Варяга» из Чемульпо, Вадим регулярно залезал в тему несостоявшегося в реале российско-германского военного союза, где Петрович периодически зависал. А поскольку ему приходилось изо всех сил играть роль корректного и последовательного оппонента нынешнего контр-адмирала Руднева, Вадик вынужден был волей-неволей разбираться в некоторых хитросплетениях мировой политики начала двадцатого столетия. Надо сказать, гадюшник это был еще тот...

Петрович, как, впрочем, и многие участники обсуждения, искренне считал, что русско-германский союз —

это или утопия, или же односторонняя сдача Россией своих интересов немцам, грозящая превращением нашей Родины в тевтонскую полуколонию, германский сырьевой придаток. Вадим, поначалу лишь вынужденно отстаивавший иную точку зрения, для пристойной аргументации поневоле должен был «копать тему глубоко». И еще много-много думать.

Громче и яростнее всего копать в этих спорах ломались вокруг одного уникального документа: подписанного Николаем II предложенного кайзером союзного договора, известного как Бьеркское соглашение 1905 года, так никогда и не вступившее в силу. По мнению ряда историков, так случилось из-за непримиримой позиции «профранцузской партии» при русском дворе и в правительстве, в первую очередь господ Витте и Ламсдорфа.

Большинство мемуарных книг, исторических работ и периодических изданий, причем как российских, так и советских, и даже эмигрантских, трактовали подписание этого договора однозначно: как глупость бесхребетного русского царя. Как его фатальную личную ошибку, способную привести к молниеносному разгрому Франции немцами при попустительстве предавшей ее России. А потом для нас неизбежно наступал бы «1941-й» в 1914-м...

Однако Вадима не отпускало ощущение фальши подобной аргументации. Ведь историю всегда пишут победители, которым заискивающе поддакивают желающие оправдаться в их и своих глазах побежденные. Он тщательно изучил текст Бьеркского договора, а поскольку дебаты на форумах доходили до разбирательства его по фразам и знакам препинания, помнил его практически наизусть:

«Статья I. Если какая-либо из держав нападет на одну из империй, другая договаривающаяся сторона обя-